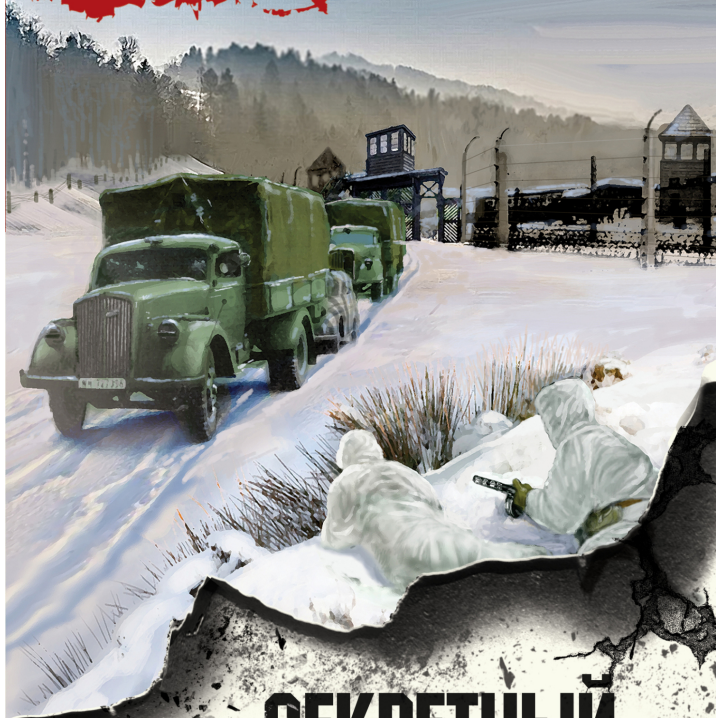

СМЕРШ —
спецназ Сталина

СЕКРЕТНЫЙ КОНЦЛАГЕРЬ

Александр Тамоников

Александр Александрович Тамоников

Секретный концлагерь

Серия «СМЕРШ – спецназ Сталина»

indd предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69921652
ISBN 978-5-04-195003-3

Аннотация

При освобождении Кракова контрразведке Красной армии становится известно о существовании на территории Польши детского концлагеря. В нем врачи-изуверы проводят над маленькими пациентами опыты, добывая особые ферменты, из которых изготавливают препарат для омоложения. Группе СМЕРШ капитана Алексея Мажарина приказано выяснить, где именно располагается «фабрика смерти» и можно ли спасти уцелевших детей. Оперативники выясняют, что фашисты успели вывезти лагерь на территорию Германии. Капитан Мажарин идет следом. Однако вскоре становится ясно, что силами небольшой группы освободить пленников не удастся, нужно подкрепление. Но пока готовится десант, в лагере случается непредвиденное...

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	18
Глава 3	40
Глава 4	67
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Александр Тамоников

Секретный концлагерь

© Тамоников А., 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

* * *

Пролог

В начале 1945 года Красная армия вошла на территорию Польши. Началось освобождение польских городов и сел от фашистских оккупантов. Шаг за шагом советские войска продвигались к западной границе Польши и, соответственно, к восточной границе Германии.

Вместе с регулярными боевыми частями в этом же направлении продвигался и Смерш. У смершевцев была своя особая задача – выявлять и изобличать фашистских шпионов и диверсантов, оставшихся в польских полуразрушенных городах и истерзанных селах после ухода оттуда немцев.

А их, шпионов и диверсантов, оставалось на территории освобожденной Польши немало. Фашисты рассчитывали и надеялись, что уходят из Польши они не навсегда, рано или поздно они сюда вернуться, а потому им здесь нужны были свои глаза и уши, своя разветвленная агентурная сеть, свои диверсанты, террористы и убийцы и сеятели всяческих враждебных слухов.

Против всей этой публики и должен был бороться Смерш. Он тоже вел войну, не менее жестокую, чем сражения на передовой. Правда, Смерш вел войну по особым правилам. Это была незримая война, в ней мало звучало выстрелов, в ней почти не ходили в атаки – потому что четко определенной линии фронта в этой войне не было. Фронт здесь был повсюду.

ду, со всех сторон. Невидимый, неслышимый, но от этого он был еще опаснее.

Да-да, опаснее. На передовой – там все четко и ясно. Вот – ты и твои боевые товарищи, а там – враг. У смершевцев же явного видимого врага не было. Для них, в принципе, каждый мог быть как врагом, так и другом.

Положение осложнялось еще и тем, что это была Польша. Как ни крути, а чужая земля. И люди здесь также были чужими. Добрыми или недобрыми – а чужими. А от чужого человека не знаешь, что и ожидать. Поможет он тебе или не поможет, равнодушно пройдет мимо или исподтишка ударит в спину... Все могло быть на чужой земле. Поэтому приходилось большей частью надеяться лишь на себя самого. На себя – да еще на помощь боевого товарища, который рядом с тобой.

Смершевцы не были объединены в традиционные боевые подразделения – взводы, роты, батальоны и так далее. Большей частью они действовали небольшими группами. В этом имелся свой смысл и свой резон. Это в атаки ходить лучше взводами и батальонами, а выявлять затаившегося шпиона лучше именно небольшой группой. Таковы были правила этой незримой, неосязаемой, но вместе с тем вполне реальной войны.

Глава 1

В освобожденный Краков спецгруппа Смерша вошла вместе с арьергардными частями Красной армии. В группе было всего три человека: старший группы – капитан Алексей Мажарин и двое его подчиненных – лейтенанты Кирилл Черных и Семен Мартынок.

До недавнего времени группа насчитывала пять человек. Но двое из них – Игнат Чаус и младший лейтенант Прохор Заречнев – выбыли из строя. Игнат Чаус – погиб, а Прохор Заречнев с тяжелым ранением угодил в госпиталь. Так уж оно получилось, причем на второй день после того, как советские войска ступили на польскую землю.

Крестьяне одного из польских сел сообщили красноармейцам, что в их селе прячутся какие-то подозрительные люди. Со слов селян, одеты эти люди были в немецкую форму, и оружие при них было немецким, но при этом говорили они не по-немецки, а вроде как по-русски. Селяне утверждали, что всего их было три человека. Ну, может, четыре... Днем эти странные люди безвылазно сидели в каком-то заброшенном сарае, а по ночам выходили из него, таясь, бродили по селу, заходили в дома, угрожая оружием, требовали от жильцов еды и еще – самогонки.

И все бы ничего, терпеливые польские крестьяне вытерпели бы этих нежеланных гостей и, скорее всего, не донес-

ли бы о них советским солдатам, но случилась непоправимая беда. В одну из ночей эти подозрительные люди застрелили одного из селян. Как водится, они вошли к нему в дом, а дальше... А кто ж его ведает, что было дальше? Должно быть, повздорили. Может статься, хозяин не пожелал делиться с ними скромными запасами хлеба и картошки, а может, и вовсе пытался не пустить их в дом... И тогда пришельцы застрелили хозяина. При хозяине была его жена и взрослая дочь, но их отчего-то эти страшные люди трогать не стали.

После этого случая все село переполошилось. Оно и понятно, ведь если эти люди застрелили одного селянина, то где гарантия, что следующей ночью они не застрелят еще кого-нибудь? И селяне, посоветовавшись между собой, снарядили ходоков к единственной на данный момент реальной власти – Красной армии. Дескать, придите и защитите нас. Избавьте село от этих страшных людей, кем бы они ни были.

Всякая недобитая нечисть, окопавшаяся в тылу, – была по части Смерша. Именно смершевцы должны были разбираться с такой публикой. Деревенских ходоков направили к Алексею Мажарину.

Мажарин не знал польского языка, а ходоки (их было три человека) не знали русского языка. Но тем не менее им удалось понять друг друга. Трудная беседа длилась целый час, и в результате ее Мажарин более или менее вник в ситуацию.

Дело, насколько он понял, обстояло так. До недавнего времени в селе стоял небольшой немецкий гарнизон – что-

то вроде артиллерийского подразделения при трех орудиях. Вместе с немцами были и какие-то другие люди – человек десять или, может, пятнадцать. Нет, это были не немцы, потому что и говорили они не по-немецки, и вели себя тоже не по-немецки. Очень могло статься, что эти люди были русскими, хотя и были одеты в немецкую форму. Почему селяне считали, что эти люди русские? А потому, что они ругались по-русски. О, русские ругательства не спутаешь ни с какими другими ругательствами!

Ну, а потом, перед самым приходом Красной армии, немцы, забрав орудия, ушли из деревни. А вместе с немцами ушли и эти люди, которые не были немцами. Но, как оказалось, не все. Трое или четверо остались. А почему они остались – кто ж их знает? И вот они-то и убили одного из селян.

Выслушав ходоков, Мажарин тут же встретился со своими немногочисленными подчиненными. Нужно было обсудить ситуацию и определиться, как действовать дальше.

– Скорее всего, это власовцы, – высказал предположение Игнат Чаус. – Известное дело... Не очень-то они охотно драпают вместе с немцами. Некоторые – остаются. Пытаются разжиться советскими документами и сойти за своих. Вот совсем недавно мы с такими уже пообщались. Под Брестом, если помните...

– Помним, – за всех ответил Кирилл Черных. – Как тут позабудешь. Злые были ребята, упорные. До последнего отстреливались. С ножами пытались на нас пойти.

– Вот и эти такие же, – сказал Игнат Чаус. – Точно вам говорю! Загорелась у гадов земля под ногами! Ищут способы, чтобы выжить. Харчишки собирают в дорогу. Подсоберут – и вперед. Верней сказать, назад. На бывшую Родину. Там-то затеряться проще.

– Вот и надо их ликвидировать, – сказал Прохор Заречнев. – Нагрянем этой же ночью в ту деревню и... Их-то там всего трое или четверо. Справимся.

– А если их больше? – усомнился Мажарин. – Скажем, трое или четверо шастают ночами по деревне, а остальные ждут их в сарайчике?.. Как бы нам не просчитаться.

– Э нет! – не согласился Кирилл Черных. – Было бы их больше в деревне, о том бы знали! В деревне разве что скроешь? Там все про всех известно. И без разницы – польская это деревня, русская или еще какая. Знаю, о чем говорю, – сам деревенский.

– Резон, – усмехнулся Мажарин. – Что ж, подкрепления просить не будем. Справимся сами. Не впервой.

Ближайшей же ночью пятеро смершевцев вместе с тремя ходоками отбыли в деревню.

– Там он, их сарай! – пугливо указали ходоки на приземистое строение, темневшее за деревенской околицей.

– Понятно, – сказал Мажарин. – Что ж, спасибо. А теперь марш отсюда! Да поживее!

Повторять селянам не пришлось, они все прекрасно поняли с первого раза, хоть Мажарин и говорил по-русски. Хо-

доки дружно охнули и растворились в темноте.

Смершевцы тихо и незаметно подкрались к сараю. Внутри сарая не слышалось никаких звуков, не было заметно огоньков и даже не пахло дымом. То есть не было ощутимо никакого человеческого присутствия.

– Обманули нас селяне, что ли? – недоуменно прошептал Чаус.

– А может, они просто ушли? – так же шепотом произнес Черных. – Говорю о власовцах... Скажем, в деревню. Или насовсем...

– Слышь, командир! – в самое ухо Мажарину прошипел Семен Мартынок. – Давай-ка я подберусь поближе да разведую.

– Давай, – сказал Мажарин.

– Ага, – сказал Мартынок.

И он тотчас же незримо и неслышно растворился в темноте. Вернулся он скоро и так же неслышно и невидимо, будто вырос из-под земли.

– Никуда они не ушли! – шепнул Мартынок. – Присутствуют, заразы. По крайней мере, один. Дышит... Ну, а коль так, то и остальные где-то поблизости. Я так думаю, хлеб насущенный добывают, бакланы...

Мартынок был родом из Одессы и любил ввернуть в разговоре какое-нибудь специфическое одесское словечко, а то и целый оборот.

– Ждем! – приказал Мажарин.

Ждали недолго – каких-то полчаса. Вскоре в темноте слышались шаги нескольких человек, за ними – дыхание и еще какие-то звуки.

– Да! – хрипло произнес Мажарин, когда звуки и дыхание стали совсем близко. Слово «да» в данном случае означало команду «огонь».

Стрелять в крошечной тьме – дело непростое, даже если ты человек в этом деле опытный. Где тут враг, где тут свой? После первых очередей два или три тела – это было понятно по характерным звукам – свалились на землю. Кто-то – это, опять же, было понятно по звукам – опрорхну бросился в сарай и захлопнул за собой тяжелую дверь, которая взвизгнула несмазанными петлями, и этот визг был громче всех выстрелов. Из сарая тотчас же раздались выстрелы – стреляли из автомата и из винтовки. А коль так, то стрелявших было, по крайней мере, двое. Хотя откуда они стреляли – сквозь стены или из каких-то щелей или окошек, – было непонятно.

– Слышь, командир! – крикнул Семен Мартынок (говорить шепотом сейчас уже не имело смысла). – Не нравится мне эта ночная серенада! А давай-ка я их гранатами! Подберусь поближе, найду какую-нибудь щелочку и...

– Давай! – согласился Мажарин. – Но только не один, а вдвоем. Нужен еще кто-то для надежности.

– Я! – вывалился откуда-то из темноты Игнат Чаус.

– Хорошо, – сказал Мажарин.

– А вы пока что прекратите пальбу, – сказал Мартынок. –

А то, чего доброго, зацепите рабов божьих Игната да Семёна...

Смершевцы прекратили пальбу, но из сарая по-прежнему продолжали стрелять. Правда, нечасто – редкими одиночными выстрелами и короткими очередями. Должно быть, берегли патроны или просто не знали, в какую сторону следует стрелять. И это было хорошо: то, что враг палит редкими выстрелами, и то, что он дезориентирован. При таком раскладе подкрасться к сараю, найти в нем оконце или какую-то другую щель и швырнуть туда гранату куда как проще. Ничего, все должно обойтись. Все будет хорошо, потому что – не впервой.

Вскоре где-то в глубине сарая бабахнул глухой взрыв – это Мартынок или, может, Чаус кинули гранаты. Из сарая раздался чей-то сдавленный крик, и вслед за ним застрочил автомат длинной, почти нескончаемой очередью. Ухнул еще один гранатный взрыв, и все стихло. Никаких выстрелов из сарая больше не слышалось.

– Всем лежать! – приказал Мажарин Заречневу и Черных. – Ждем!

– Командир! – простонал из темноты Заречнев, и было в этом стоне что-то такое, что заставило Мажарина опрометью броситься в ту сторону, откуда раздавался стон.

Проход Заречнев лежал на боку, подогнув ноги.

– Что? – спросил Мажарин, хотя в этом вопросе не было смысла, потому что и так все было понятно.

– Зацепило меня, – сквозь зубы проговорил Заречнев. – В бок ударило. Кажется, два раза...

– Ах ты ж!.. – с досадой проговорил Мажарин, ощутив шаря по телу Заречнева. – Потерпи, я сейчас... Вот только...

На Заречневе был ватник, под ватником – гимнастерка, под гимнастеркой – нательная рубаха. Сложное дело! Попробуй вот так вот, при стольких одежках, да еще в кромешной темноте, определить, где рана, и одна ли она или, может, их несколько! А тем более попробуй определить, насколько они тяжелые. Огня бы сейчас, но зажигать огонь нельзя – вдруг из сарая полоснут очередью по огню!

– Что тут у вас? – подкатился к Мажарину и Заречневу Черных.

– Стукнуло его, – сквозь зубы ответил Мажарин.

– Давай я помогу, – сказал Черных. – Вдвоем сподручнее.

– Следи за сараем! – сказал Мажарин. – Мало ли что... Я уж как-нибудь сам...

Из темноты послышался чей-то короткий вздох, и перед Мажариным возник Семен Мартынок.

– А вот и я! – сказал он и осекся. – Кого-то царапнуло?

– Его, – указал Мажарин на Заречнева, хотя в темноте и не было видно, на кого именно он указывает.

– Сильно? – спросил Мартынок.

– Черт его знает! – ответил Мажарин. – Темно, ничего не видно... А где Игнат?

– Чего не знаю, того не знаю, – ответил Мартынок. – Был

рядом. Даже швырнул гранату в какую-то щелюгу. А вот где он сейчас, не ведаю. Ничего, объявится.

Голос у Мартынка был бодрым, но одновременно в нем ощущалась тревожная неуверенность.

– А те, что в сарае? – спросил Мажарин.

– Ну, с теми, думаю, все ясно, – ответил Мартынок. – Спеклись, волки дешевые. От трех гранат кто же уцелеет? Да и другие двое спели свою серенаду...

– Какие двое? – не понял Мажарин.

– Наткнулся я в темноте на двоих, – пояснил Мартынок. – Валялись рядышком в бурьяне, недалеко от входа в сарай. Один – готовый, другой – подраненный. Ворочался, стонал и матерился. По-русски, понимаешь ли... Ну, я его успокоил... Ножом. Нож он хорошо успокаивает. Четверо, кажись, их было. Власовцы, как и было сказано.

Он помолчал, прислушиваясь к темноте.

– А вот где же все-таки наш Игнат? – спросил он. – Что-то не нравится мне такая партитура... Слышь, командир! А слетаю-ка я на разведку! Верней сказать, сползаю. А вдруг он, Игнат, тоже... Заодно швырну в сарай еще одну гранату. Для верности.

– Будь там осторожен, – сказал Мажарин.

– А то как же! – в голосе Мартынка прозвучала ирония. – «Будь осторожна, доченька, сказала мамаша, отправляя свою Сонечку на свидание с матросом. А то эти моряки такие проказники!» «Обязательно буду», – ответила Сонечка...

С этими словами Мартынок исчез в темноте. А Мажарин принялся осторожно, на ощупь расстегивать на раненом Заречневце вначале ватник, затем гимнастерку. Ему нужно было обязательно добраться до ран и перевязать их. Черных находился неподалеку, он лежал на земле, вслушиваясь и всматриваясь в темноту.

Какое-то время было тихо, затем ухнул взрыв гранаты. Никаких ответных выстрелов и прочих звуков вслед за взрывом не последовало. Вскоре из темноты раздалось тяжелое, хриплое дыхание. Черных изготовился к стрельбе, Мажарин тоже.

– Это мы, – раздался из темноты голос Мартынка. – Точнее сказать, я... Помогите – а то тяжелым парнем был наш Игнат...

Пригнувшись, Черных подошел к Мартынку и опустился на колени.

– Да, – сказал Мартынок. – Ты правильно понял. Был Игнат Чаус, и не стало Игната Чауса... Возле того сарайчика натолкнулся я на него. Игнат, говорю, что это ты тут разлегся, как на июльском пляже? Поднимайся, говорю, да и пойдем к своим. Вот, пришли мы к своим... Вроде – с Игнатом, а если разобраться, так без него. Вот такая получилась серенада...

Он замолчал. Молчали и остальные, потому что нечего тут было сказать. Тут все было четко и понятно: был Игнат Чаус, и не стало Игната Чауса. А потому слова здесь были

лишними.

– А с теми, которые в сарае, – все, – сказал Мартынок. – Спеклись, бакланы... Словом, задачу свою мы выполнили.

Вот так и получилось, что на задание отправлялись пятеро смершевцев, а вернулись – трое. Игнат Чаус погиб, а Прохор Заречнев надолго слег в госпиталь. Может быть, даже до самой победы. Надо было доукомплектовывать группу, да ведь это – дело тонкое. Тут первого попавшегося не возьмешь. Тут к человеку надо со всех сторон присмотреться, прислушаться, даже – принюхаться. А уже потом решать, годится он или не годится для службы в Смерш. Долгое это дело – доукомплектовывать группу Смерша.

Глава 2

Оказывается, этот поляк умел говорить по-русски. Не сказать чтобы хорошо, но в общем и целом понять его было можно. Да и многие польские слова для русского уха также были вполне понятны. Что ж, и хорошо, коль оно так. Если ты понимаешь собеседника, а собеседник понимает тебя, то так вы скорее уясните, что вам друг от друга нужно.

Хотя Алексею Мажарину, Кириллу Черных и Семену Мартынку от поляка не нужно было ничего. Наоборот, это поляку было что-то нужно от них. Верней сказать, не конкретно от Мажарина, Черных и Мартынка, а, похоже, от всей Красной армии. Утром на Мажарина вышел начальник полковой разведки подполковник Резунов и сказал ему:

– Тут к нам прибился какой-то поляк. Говорит, что здешний, из Кракова. Говорит, что хочет сообщить какую-то важную весть. Вроде насчет шпионов...

– Каких шпионов? – не понял Мажарин.

– Немецких, каких же еще, – сказал Резунов. – Ну, а поскольку шпионы – это по твоей части, то я думаю, что будет правильно, если я этого поляка сдам тебе, так сказать, с рук на руки. В общем, приезжай и забирай. Он тут, у меня. Может, и вправду он хочет сказать что-то путное...

Мажарин отправил к Резунову Семена Мартынка, он и привез таинственного поляка. И вот сейчас они сидели на-

против друг друга и вглядывались друг в дружку. Поляк – в смершевцев, трое смершевцев – в поляка. Поляк был молодым, лет двадцати пяти, с приятным умным лицом и открытым взглядом.

– Как тебя зовут? – спросил Мажарин у поляка.

– Ян Кицак, – ответил поляк.

– Ты здешний? – спросил Мажарин.

– Да, краковский, – ответил поляк. – Все мои... – он запнулся, подыскивая подходящее слово, – моя matka и мой тато, мои дзядек и бабця – все они из Кракова.

– Хороший город – Краков, – сказал Мажарин. – Вот ведь – наполовину разрушенный, а все равно красивый.

– О, так! – согласился поляк. – Доброе место... А будет еще красивее, потому что здесь больше их нет. Немцев.

– Откуда ты знаешь русский язык? – спросил Мартынок.

– О, я плохо знаю вашу мову! – махнул рукой Ян Кицак. – Так, немного. Научился... До войны в Кракове жили русские. Они уцекаць... убегали от Советской власти и поселились в Кракове. Я с ними водился... дружил. И они меня научили мове.

Поляк замолчал и с некоторым испугом стал смотреть на смершевцев, будто соображая, не сболтнул ли он чего лишнего.

– Ты хотел что-то нам сказать? – улыбнувшись, спросил Мажарин.

– Хотел, – кивнул поляк. – Вам или не вам – не знаю. Без

разницы. Вот вы меня спрашиваете, значит – вам.

– Мы слушаем, – сказал Мажарин.

– Вначале я хотел запитать... спросить: кто вы есть, панове офицеры?

– Мы Смерш, – ответил Мажарин. – Означает «смерть шпионам». Мы ловим немецких шпионов и тех, кто им помогает.

– То добре, – кивнул Ян Кицак. – Потому что я хотел рассказать вам... – он на какой-то миг умолк, собираясь с мыслями. – Я хотел рассказать вам о шпионах. О немецких шпионах здесь, в Кракове. Точнее сказать, об одной пани... одной женщине. Я не знаю – может, она и не шпионка, а просто немецкая курва. Знаете, при немцах таких было много. Те, которые помоложе и покрасивее, были с офицерами, другие – с солдатами. Я не хочу их судить... я хочу сказать о другом. Я не знаю, может, это вам совсем не цекаве... не интересно, но...

– Нет-нет, нам очень интересно! – энергично махнул рукой Мажарин. – Мы внимательно слушаем! Рассказывай!

И Ян Кицак рассказал следующее. При фашистах он проживал в Кракове – куда же ему было деваться? Здесь был его дом, здесь жили его родители. Жить было тяжело, надо было где-то работать, чтобы не умереть с голоду, и он устроился чернорабочим в один ресторанчик. Это был ресторан для немецких офицеров, никто другой, можно сказать, сюда не ходил. За исключением, разумеется, женщин, которых при-

водили с собой офицеры.

До поры до времени Ян Кицак не обращал особого внимания ни на офицеров, ни на их женщин. Не до того ему было, да и опасное это дело – пристально вглядываться в посетителей ресторана, кем бы они ни были.

Но однажды он все же обратил внимание на одну из дам. Почему? Он и сам не знает, почему. Так уж оно получилось, можно сказать, само собой. Во-первых, дама была очень красива, а на красивую женщину поневоле обращаешь внимание. Во-вторых, она постоянно приходила в ресторан с одним и тем же офицером, тогда как большинство других дам то и дело меняли кавалеров. Да оно бы еще и ладно, что с одним, но это был не просто офицер, он был одним из высших чинов краковского гестапо – Кауфман. Его, можно сказать, знал весь Краков, а кто не знал, тот слышал о его страшных кровавых делах. Имя Кауфман было синонимом смерти. И вот с этим человеком-смертью та красивая женщина и приходила в ресторан. Только с ним, и ни с кем больше.

Но и это было еще не все. Еще – каждый раз Кауфман со своей спутницей уединялись в отдельном номере, и никто, пока они там были, не смел даже приблизиться к дверям того номера. За исключением, разумеется, официанта, но и официант каждый раз был один и тот же. Кроме того, эта красивая женщина хорошо говорила по-немецки – Ян однажды совершенно случайно услышал обрывок ее фразы, обращенной к Кауфману. Это был чистейший немецкий язык. Зна-

чит, эта женщина, скорее всего, была немкой.

И так продолжалось до той самой поры, пока Красная армия вплотную не подошла к Кракову и не стали слышны орудейные раскаты, доносившиеся с востока. Большая часть постоянных посетителей ресторана, в том числе и сам Кауфман, моментально исчезли. Ян, конечно, не знает, исчезли ли они из Кракова, но вот в ресторане никто из них больше не появлялся.

А вот та самая красивая женщина осталась! И все так же приходила в ресторан, но уже с другим спутником – каким-то поляком, одетым в штатский костюм. И все так же они закрывались в отдельном номере и о чем-то подолгу там беседовали. Правда, обслуживал их уже другой официант. Тот, прежний официант, исчез в одно время вместе с Кауфманом и прочими постоянными посетителями ресторана. Да-да, панове офицеры правильно поняли: ресторан работает все так же, он не закрылся, и потому панове офицеры в любое время могут туда прийти, и там им будут очень рады. Правда, никаких женщин, как это было при немцах, в ресторане уже нет, но панове офицеры могут прийти в ресторан со своими женщинами.

– Значит, ты говоришь, что этот Кауфман сбежал, а та женщина осталась? – уточнил Мажарин.

– Так-так, – подтвердил Ян Кицак. – Она осталась. И это мне кажется странным. Я не понимаю...

– А что же тут непонятного? – усмехнулся Семен Марты-

нок. – Когда драпаешь – тут не до любовниц. Кто же в таких случаях тащит с собой красоток? Тут бы самому уцелеть... Обычное дело!

– О нет! – горячо возразил Ян Кицак. – Она не была коханкой... любовницей. Она была кем-то другим!

– Почему ты так считаешь? – прищурился Мажарин.

– Она не похожа на коханку, – с сомнением произнес Ян Кицак. – Коханки – они все на одно лицо. Они хоть и не похожи одна на другую, а все равно все на одно лицо. Думаю, панове офицеры понимают, что я хочу сказать. Я в том ресторане видел много коханок... А у этой женщины совсем другое лицо. Совсем другое...

– Другое – это какое? – спросил Мартынок.

– Ну, другое... – поляк беспомощно пошевелил пальцами. – Они похожи на собак. Да, на собак. Я говорю о немецких коханках, других я не видел. Что написано на собачьей морде? Покора своему хозяину. Покорность... Так и у немецких коханок. А у этой женщины – совсем другое лицо. На нем – хлочь... холод. И еще – злоба.

– Ты же сказал, что она – красивая, – с недоумением произнес Семен Мартынок.

– Холод – это тоже красиво, – возразил поляк. – Только это совсем другая врода... красота.

– Ну, и кто же она, по-твоему? – спросил Мажарин.

– Я не знаю, – пожал плечами Ян Кицак. – Кто мне о том скажет? Но я думаю, что... Если она не покинутая коханка,

и если она о чем-то говорила с самим Кауфманом, и если их обслуживал один и тот же официант, который тоже пропал из ресторана, как только в город вошла ваша армия, и если Кауфман убежал, а она осталась, и теперь она бывает в ресторане с каком-то поляком, и это каждый раз один и тот же поляк, то...

– То все это – очень даже интересно, – закончил за поляка Мажарин.

– Так-так, – согласился Ян Кицак. – Это очень цекави... Потому я и пришел к вам, чтобы сказать... Я не люблю немцев, – помолчав, добавил он. – Я никогда их не любил. И я хочу вам помочь. Если, конечно, вы мне поверите.

– Как часто эта женщина приходит в ресторан с тем поляком? – спросил Мажарин.

– Так же, как и с Кауфманом, – ответил Ян Кицак. – Два раза в неделю. Всегда только два раза в неделю. По средам и воскресеньям. Ровно в семь часов вечера. Всегда минута в минуту. А в другие дни – никогда.

– Вот как, – задумчиво проговорил Мажарин. – А вот это и впрямь интересно. Всегда минута в минуту... И по тем же самым дням, что и раньше...

– То так, – согласился Ян Кицак.

– А обслуживает их – всегда один и тот же официант? – поинтересовался Черных. – Или каждый раз разные?

– Один и тот же, – ответил Ян. – Он устроился в ресторан совсем недавно – когда из города ушли немцы.

– А кому принадлежит ресторан? – спросил Семен Мартынок. – Ну, кто в нем самый главный хозяин?

– Пан Мирончак, – ответил Ян.

– И кто он такой, этот пан Мирончак? – спросил Мартынок.

– Курва, – поморщился Ян. – Как и все хозяева. Дерет с нас три шкуры, а платит всего пару злотых.

– При немцах он тоже был хозяином ресторана? – спросил Мартынок.

– Так, – ответил поляк.

– Какой сегодня день? – поморщился Мажарин, пытаюсь вспомнить.

– Вроде как вторник, – усмехнулся Мартынок.

– Так, вторник, – подтвердил Ян Кицак.

– Значит, завтра эта женщина вместе со своим разлюбленным поляком должна прийти в ресторан, – Мажарин потер лоб. – Ровно к девятнадцати ноль-ноль.

– Наверно, – пожал плечами Ян. – Она всегда приходит в среду и в воскресенье. Почему ей не прийти завтра?

– Угу... – произнес Мажарин и не сказал больше ничего.

Молчал он довольно-таки долго. Мартынок, Черных и Ян Кицак также молчали. Они понимали – Мажарин размышляет. Черных и Мартынок размышляли тоже, да и Ян, кажется, также задумался о чем-то своем.

– А ты-то завтра работаешь? – наконец спросил Мажарин, обращаясь к поляку.

– Так, – ответил тот.

– И ты завтра их увидишь – ту женщину и того поляка, который будет при ней? – спросил Мажарин.

– Если так надо, то увижу, – сказал Ян. – Когда они будут заходить в ресторан. Или когда будут уходить из ресторана.

– Да, надо, – сказал Мажарин. – И не только увидеть, но и проследить за нею. Узнать, куда она отправится из ресторана. Ты смог бы это сделать?

– Я? – удивился поляк.

– Да, ты, – сказал Мажарин. – Проследить. Но только, сам понимаешь, тайно. То есть так, чтобы ни она, ни ее кавалер не обратили на тебя никакого внимания. Справишься?

– Я? – повторил вопрос поляк, еще больше удивляясь.

– Ну, ты же хочешь нам помочь? – спросил Мажарин и в упор взглянул на Яна.

– О, так! – ответил Ян. – Я хочу вам помочь! Но...

– Ты удивлен, что мы так легко тебе доверяемся? – спросил Мажарин.

На это Ян ничего не сказал, лишь опустил голову и развел руками.

– Мы тоже не любим фашистов – так же, как и ты, – усмехнулся Мажарин. – А все остальное – неважно.

Кажется, эти слова произвели на Яна Кицака впечатление. Он поднял голову и также в упор глянул на Мажарина.

– Я сделаю то, что меня просит пан офицер, – твердо сказал он. – Правда, за это меня могут выгнать с работы. За то,

что я без спросу ушел...

– Ну, если что, то это дело мы как-нибудь уладим, – пообещал Мартынок. – Мы кто? Красная армия, которая стоит на страже трудового элемента. А ты и есть тот самый трудовой элемент. А этот твой пан Мирончак – эксплуататор и шкура! Неужто мы не защитим тебя от такого кровососа? Ты только намекни, ежели чего. Самолично явлюсь для наведения социальной справедливости.

– Добре, – не слишком уверенно улыбнулся поляк. – Скажу...

– Вот и скажи! – подытожил Семен Мартынок. – И не сомневайся. Потому что кончилось время ваших польских мироедов и шкурников! Теперь наступает твое время!

– Я не разумею... – развел руками Ян.

– Это с непривычки, – хлопнул парня по плечу Мартынок. – Со временем все поймешь. Это та самая наука, которую все понимают очень быстро. И эксплуататоры, и трудовой элемент. А пока – помоги нам, чем можешь. Раз уж ты влез в штаны, то надо их и застегнуть. Иначе получится безобразие.

– Это я понял, – на этот раз улыбка Яна была более уверенной.

– Вот и славно! – сказал Мартынок. – Командир, все прочее объясняй ему сам.

– Нам надо знать, где эта женщина проживает, – сказал Мажарин, обращаясь к Яну. – Или куда она каждый раз на-

правляется, когда уходит из ресторана. Затем: одна она отправляется к себе или вместе со своим кавалером. Ты понимаешь?

– Так, – кивнул Ян Кицак. – Это я разумею. А вот другого я не разумею. А вдруг они выйдут из ресторана и направятся в разные стороны? Что я должен буду делать? За кем мне следить?

– А и вправду, – поразмыслив, сказал Мажарин. – Скорее всего, так оно и будет. То есть они разойдутся в разные стороны. И хорошо бы при этом проследить за обоими. А, Семен?

– Так это мы запросто! – беспечным голосом произнес Мартынок. – Дело привычное.

– Ну, коль привычное, то тебе его и делать, – сказал Мажарин. – Вот только нужно придумать, как его провернуть половчее!

– Половчее, – ухмыльнулся Мартынок, – это когда я буду при даме. Тут уж меня никто ни в чем не заподозрит. А что? Пришел офицерик с барышней в заведение! Обычное дело. Отчего бы советскому офицеру не пригласить даму в ресторацию? Другое дело – где мне ее раздобыть в кратчайшие сроки, такую даму? С первой попавшейся на такое дело не пойдешь... Ладно, подумаем. Итак, этот поляк мой. Провожу до самой колыбельки. Кстати, – Мартынок глянул на Яна. – А почему ты думаешь, что этот кавалер именно поляк?

– А кто же он еще? – спросил Ян.

– Ну, кто... Допустим, немец. Или, может, англичанин.

Тут у вас всяких перебивало.

– Нет, – после короткого размышления произнес Ян. – Он поляк. Поляки отличаются от всех других...

– Да ты что? – иронично сощурился Мартынок. – И чем же именно? Может, пояснишь?

– Ладно, не спорьте, – вмешался в разговор Мажарин. – Поляк, не поляк... Какая разница? А вот проследить за ним действительно надо. В общем, так. Ян, ты проследишь за этой дамочкой. А ты, Семен, за ее спутником. Понятно?

– Не совсем, – сказал Мартынок. – А что, если они не пожелают расставаться и после ресторана отправятся вместе в обнимку? Тогда как?

– А тогда Ян будет следить за ними двоими, а ты – его подстраховывать. А то ведь мало ли что? Четыре глаза могут заметить за собой слезку намного проще, чем два.

– Это понятно, – согласился Мартынок.

– Ян, – сказал Мажарин. – Сегодня вторник. Завтра – среда. А в четверг, рано утром, тебе обязательно нужно быть здесь. Расскажешь, что и как. У меня все.

– Так, – коротко произнес поляк и поднялся, намереваясь уйти.

– Погоди-ка, – остановил его Мартынок. – Все-то оно все, да не совсем. В общем, так. В среду, в половине седьмого вечера, я появлюсь в вашем замечательном ресторане. При

мне будет дама, прошу это учесть. Хорошо бы нам с тобой там переглянуться. Не обняться и не расцеловаться, а именно переглянуться. Чтобы ты знал, что я – поблизости. И чтобы я тоже знал, что ты рядом. А так – делаем вид, что мы друг друга не знаем. И все: мы с дамой развлекаемся, ты – чистишь картошку. И все ждем, когда появится та самая красавица со своим кавалером. А потом дожидаемся их ухода и двигаемся следом за ними. Ты, значит, впереди, я с моей дамой – чуть поодаль. А дальше действуем по обстоятельствам. Вот теперь окончательное все.

– Я зрозумев, – ответил Ян, потоптался и добавил: – Я все сделаю. Я могу уже идти?

– Да, – сказал Мажарин. – Спасибо тебе.

– И вас я тоже дзякую бардзо, – ответил Ян Кицак.

– А нас-то за что? – удивился доселе молчавший Черных.

– За то, что поверили, – сказал Ян. – Вы меня не знали, а все равно поверили.

– Ладно, – махнул рукой Мажарин. – Там разберемся. Кстати, как называется тот ресторан?

– «Золотой голубь», – ответил Ян. – И при немцах он так назывался, и сейчас – тоже. Только теперь на нем другая вывеска. Раньше была на немецком, а теперь – на польском.

Он вышел. Смершевцы какое-то время молчали.

– Думаешь, не подведет? – спросил наконец Мартынок у Мажарина.

– Думаю, что нет, – ответил Мажарин. – Иначе зачем ему

было к нам приходиться? А ведь пришел... Да еще согласился последить за той дамочкой. Мог бы ведь и не соглашаться. Нет, все будет нормально. Толковый парень, нутром чую.

– Может, и толковый, – не стал спорить Мартынок. – А только все равно, для чего такой риск? Могли бы проследить и мы сами. Я – за кавалером, Кирилл – за дамочкой. Или наоборот. И все было бы в норме.

– Поляк – местный, – сказал Мажарин. – Значит, город он знает лучше. А это при слежке – очень важно. А вдруг дамочка вычислит или просто почует за собой хвост и захочет запутать следы? И запутает, как пить дать. А вот если ты хорошо знаешь город, то попробуй-ка тебя вот так запросто объегорь! Так что, я считаю, в данном случае можно и рискнуть.

– Ну да, ну да, – согласился Мартынок, хотя было видно, что он на этот счет придерживается другой мысли. – А теперь, я так понимаю, нам надо подробнее поговорить о той интересной дамочке, – сказал Мартынок. – И обо всех делах вокруг да около... Я правильно понимаю?

– Да, – коротко ответил Мажарин.

– А тогда, – сказал Мартынок, – позвольте мне начать первым. Потому что слушал я нашего славного поляка, и выстроилась у меня интересная концепция.

– Выкладывай свою концепцию, – улыбнулся Мажарин.

– Мыслию так, – начал Мартынок. – Поляк прав – очень интересная эта дамочка. Пока мы не возникли в этом горо-

де, она общалась с немцами. Очень тесно общалась, можно сказать, регулярно.

– На виду у всех и особо не таясь, – дополнил слова товарища Черных.

– Вот именно, – согласился Мартынок. – Да и не просто с каким-нибудь захудалым немчишкой, а с самим этим самым чертом... как его – Кауфманом! О кровавых делах которого по городу гуляли слухи! Ладно, общалась... Но отчего же этот самый Кауфман ударился в бега, а дамочка осталась? А? Ведь риск! Ведь оклемается малость здешний народ, придет в себя – так он же эту самую дамочку поднимет на вилы! Быть того не может, чтобы не поднял, потому что оно везде так случается. Что же, эта самая дамочка не понимает грозящей ей беды? Думаю, понимает. А все равно не думает таиться или, скажем, перекрашиваться в какой-нибудь не такой заметный колер. А почему оно так? А потому что у нее здесь какое-то важное дело. Уж такое важное, что и таиться ей некогда. Или, может, она думает, что пронесет и народ о ней не вспомнит. Но как бы оно ни было, а дело-то, похоже, очень серьезное! Уж такое серьезное, что эта дамочка даже маскироваться не желает! Как она раньше встречалась с Кауфманом, так теперь встречается с каким-то поляком, или кто он есть на самом деле. В том же самом месте и по тем же самым дням. Вот что самое интересное! Остается лишь выяснить, что же это за такое загадочное дело. Убейте меня на месте, но все равно не поверю, что она в эту забегаловку

ходит исключительно, чтобы поужинать. Регулярно, дважды в неделю, строго в девятнадцать ноль-ноль. Как, понимаешь ли, какой-нибудь международный поезд маршрутом «Одесса – Париж»! Фух! – и Семен Мартынок устало выдохнул, закончив столь длинную речь.

– Да дело-то, похоже, известное, – предположил Кирилл Черных. – Немецкая шпионка она, это факт. Прежде работала на гестаповца, теперь – на кого-то другого. Или все так же на него, но через третье лицо. Через того поляка... Он, значит, дает ей задания, она перед ним отчитывается. Быть того не может, чтобы немцы, отступая, не оставили здесь своих агентов. Вот она-то и есть такой агент.

– Может, оно и так, – в раздумье произнес Мажарин. – А может, и как-то иначе. Потому что уж слишком открыто она действует. Можно сказать – вся на виду, от макушки до пяток. Как-то не совсем по-шпионски...

– И очень даже по-шпионски! – не согласился Мартынок. – Сам знаешь – надежнее всего затаиться, будучи на виду. Никто и не подумает, что ты таишься, а значит, никто и внимания на тебя не обратит. Это называется... черт, позабыл слово!

– Парадокс, – подсказал Мажарин.

– Может, и парадокс, – согласился Мартынок. – Всякие мудреные слова я запоминаю с трудом по причине своего простого воспитания.

– Да, но наш поляк все же обратил на нее внимание! – не

желая окончательно соглашаться с Мартынком, проговорил Мажарин.

– Ну, и что с того? – хмыкнул Мартынок. – Много ли таких найдется, как этот поляк. Он один и нашелся. А все прочее – проходили мимо. Нет, если уж и прятаться, то в самом видном месте! Вовек не догадаешься! Эта дамочка хорошо обосновалась. Вроде бы на виду, а вроде бы ее и не видно.

– И что же мы будем делать с этим парадоксом? – спросил Черных.

– Проследим за ними, а потом, в воскресенье, всех разом и возьмем, – сказал Мажарин. – И дамочку, и ее спутника, и официанта. Думаю, это самое правильное решение.

– А почему бы их не взять сразу? – спросил Черных. – Допустим, завтра же?

– Ну, это просто! – поморщился Мажарин. – Нам надо знать, где они живут. Чтобы одновременно с задержанием устроить в их норах обыск. А то представь: мы их возьмем, а они упрутся и не пожелают говорить, где живут. И пока они будут упираться, кто-то, о ком мы понятия не имеем, наведет чистоту в их жилищах. То есть спрячет все, что нас могло бы заинтересовать. И что тогда? А тогда нам придется всю эту троицу отпускать, да еще и извиняться перед нею. А так у нас будут против них доказательства. Хоть какие-то, а все равно будут. При обыске, а тем более при неожиданном обыске всегда можно найти что-нибудь интересное и стоящее. Сам знаешь.

– Да, конечно, – кивнул Черных. – Это называется эффект неожиданности.

– У всякого человека можно найти что-нибудь хорошее, если как следует его обыскать! – провозгласил Семен Мартынок. – Народная мудрость! Но вот в чем мое недоумение, братцы. Коль мы намерены брать и официанта, то, стало быть, неплохо проследить и за ним. А? Этого труженика мы почему-то упустили из виду. А это непорядок.

– И правда! – хлопнул себя по лбу Мажарин. – Официант! Устроился в ресторан совсем недавно, ту самую красавицу и ее кавалера обслуживает только он, и никто больше...

– Вот о том я и толкую, – поддакнул Мартынок. – Подозрительная личность, этот официант. Как и та красавица со своим кавалером. А это означает, что... – Мартынок не договорил и выразительно посмотрел на Мажарина.

– Да, – согласился Мажарин. – За ним надо бы проследить тоже. Кирилл, это уже твоя задача.

– Понятно, – кивнул Черных. – Проследим.

Они замолчали. Каждый думал о своем, и одновременно все думали об одном и том же.

– И все-таки – что мы имеем в итоге на данный момент? – спросил наконец Мартынок.

– Вот ты нам это и скажи, – усмехнулся Мажарин.

– А что – и скажу, – согласился Мартынок. – Во всех подробностях. Так сказать, блюдо из фактов с добавлением соуса из наших фантазий. Между прочим, тоже народное вы-

ражение. Знал я до войны одного ресторатора в славном городе Одессе. Ну, так это было его любимое выражение. Вот только где сейчас тот ресторатор и есть ли еще его милый ресторанчик? – Мартынок вздохнул. – Я так думаю, что и нет. Потому что весь мир кувыркком. Ну, да ладно, что говорить об этом?

Он помолчал, собираясь с мыслями, встал, расправил плечи, прошелся, даже изобразил нечто вроде залихватской короткой чечетки. И только после этого сказал:

– Итак, что мы имеем на данный момент? А на данный момент мы имеем вот что. Есть некая сплоченная группа – как минимум, из трех подозрительных личностей. Значит, красивая дамочка, ее кавалер и при них – официант. Постоянное место их встречи – ресторан «Золотой голубь», где они и встречаются по средам и воскресеньям в девятнадцать ноль-ноль. Повторяю: исключительно по средам и воскресеньям, и каждый раз ровно в семь вечера! Что это такое? Какое-нибудь любовное свидание? Таки нет, как говаривал еще один мой знакомец с прежних времен. На свидание обычно принято опаздывать, встречаться в разные дни и в разное время... Я прав или я не прав?

– Прав, – сказал Мажарин.

– А тогда – позвольте мне продолжить мою ораторию, как любил выражаться мой третий довоенный знакомец. Со слов нашего разлюбезного поляка мы знаем, что до этого дамочка встречалась с другим кавалером – неким гестаповцем Кауфф-

маном, о котором по Кракову ходили самые ужасные слухи, и, я так понимаю, не без основания. Причем встречалась – точно по такому же графику и точно в том же самом месте. И что мы можем на все эти чудеса сказать?

И Мартынок по очереди оглядел Мажарина и Черных. А поскольку они ничего не ответили на его вопрос, то он продолжил:

– А сказать мы можем вот что. Очень даже может быть такое, что мы имеем дело с фашистской шпионской группой. Сплоченной, умелой, нахальной и так далее. А ресторан «Золотой голубь» – их постоянное место встречи. Так сказать, явочная квартира, где они обговаривают свои делишки. Что это за делишки, мы, конечно, пока не знаем. Знаем лишь, что в этой группе как минимум три человека: стервозная дамочка, ее кавалер и официант...

– Четыре, – сказал Черных.

– Что четыре? – не понял Мартынок.

– В группе не три, а четыре человека, – пояснил Черных. – Я так думаю... Мы забыли о хозяине ресторана. Как бишь его кличут? – Кирилл вопросительно пошевелил пальцами.

– Пан Мирончак, – припомнил Мажарин.

– Да, – сказал Черных. – Вот именно... Быть того не может, чтобы он ничего не знал и не ведал. Все-таки каждый раз отдельный номер в ресторане на конкретный день и время, одни и те же клиенты, к тому же один и тот же официант... И все это – раз за разом. Разве может хозяин рестора-

на не обратить на такие чудеса внимание? Поневоле обратился бы. А коль оно так, то и он тоже с ними заодно.

– Ага! – воскликнул Мартынок. – Исполняет роль хозяина явочной квартиры.

– Наверно, – кивнул Черных.

– А что, логично, – сказал Мажарин. – Хозяин ресторана обычно знает всех своих постоянных посетителей. А дамочка со своим кавалером – уж куда как постояннее! Что ж, внесем в список и хозяина.

– И кто же за ним станет следить? – спросил Мартынок. – Наши кадры совсем иссякли.

– А для чего за ним следить? – ответно спросил Мажарин. – Вряд ли он что-нибудь знает об этой даме и ее кавалере. Его номер шестнадцатый – вовремя предоставлять место для встречи. Ну и, я так думаю, выполнять какие-то другие мелкие указания дамочки или ее кавалера. Скажем, принять на работу официантом нужного человека.

– Честно сказать, не представляю, какую роль играет в банде этот официант, – пожал плечами Мартынок. – Получается, вроде бы все при деле: и дамочка с кавалером, и хозяин ресторана. А официант-то для каких надобностей?

– Ну, разные могут быть надобности, – пожал плечами Мажарин. – Может, он нужен для подстраховки. Например, прикрыть дамочку с кавалером, если понадобится. Может такое быть? Думаю, что может. Есть и другое соображение. Он – контролер.

– Это какой такой контролер? – не понял Мартынок, и тут же его осенило: – А, понимаю! Так сказать, представитель вышестоящих инстанций! Для строгого контроля! Чтобы народ на низах не расслаблялся!

– Что-то вроде того, – кивнул Мажарин.

– Вот ведь заразы! – скривился Мартынок. – Все-то у них налажено. И при этом топчутся почти на виду! Вот что меня больше всего раздражает!

– Сам же говорил, что скрываться лучше всего на самом видном месте, – улыбнулся Мажарин.

– Это говорю не я, а народная мудрость, – улыбнулся в ответ Мартынок. – Ну, что, завтра нам предстоит веселый денек? А точнее сказать, веселый вечерок?..

Глава 3

До вечера среды оставалось еще много времени, и это было хорошо. Потому что надо было сделать много подготовительной работы. Во-первых, как следует продумать операцию и проанализировать свои действия. Главным аналитиком в маленькой смершевской группе считался Мажарин. Он был человеком спокойным, основательным, никогда не принимавшим скоропалительных решений, каждое решение его было взвешенным и выверенным. Все другие члены группы – импульсивный и нетерпеливый Семен Мартынок, меланхолический Кирилл Черных, целеустремленные и несгибаемые Чаус и Заречнев больше были исполнителями, чем аналитиками. Хотя, конечно, мыслить умели и они. Без умения мыслить в Смерше делать нечего, такое умение – основное, пожалуй, оружие смершевца.

Да, Чаус и Заречнев... О них можно было бы и не вспоминать, потому что не было сейчас в группе ни Чауса, ни Заречнева. Были лишь трое – сам Мажарин, Мартынок и Черных. Таков был расклад сил, и хочешь или не хочешь, а с этим надо было считаться.

Итак, Мажарин думал – неторопливо, основательно, стараясь не упустить никаких моментов и нюансов, даже самых мелких и незначительных. О чем он думал? О подозрительных четырех людях, о чем же еще? То есть о красивой да-

мочке, ее постоянном спутнике, официанте и хозяине ресторана «Золотой голубь».

Нет, он пока не считал их немецкими или чьими-то другими шпионами, для этого у него не было доказательств. Были лишь подозрения, и притом серьезные и обоснованные подозрения, но ведь подозрения – это еще не доказательства. Доказательства надо было еще добыть. Причем разными способами и путями.

Итак. Во время оккупации Кракова фашистами та интересная дамочка регулярно встречалась с Кауфманом – одним из главных краковских гестаповцев. И коль Кауфман занимал в краковском гестапо видную должность, то, значит, и дело, которое он обсуждал с дамочкой, было важным. Какими-то малозначительными делами высокий гестаповский чин заниматься не стал бы, для этого есть другие сотрудники, рангом пониже. Логично? Логично.

А коль так, то идем дальше. О том, что дело было важным, говорит и тот факт, что встречи дамочки и Кауфмана проходили регулярно. То есть это было такое дело, которое решить одним наскоком было невозможно. Основательное, судя по всему, было дело, и приходилось его решать шаг за шагом. Так сказать, поэтапно.

Что это было за дело, того Мажарин, конечно же, не знал. Даже не предполагал. Даже не пытался предположить, потому что предположение – дело крайне ненадежное. Предполагать можно при отсутствии фактов. А когда фактов нет,

поневоле приходится строить картину, исходя из собственных фантазий и домыслов, выдавая их за факты. А это неправильно, потому что рано или поздно домыслы и фантазии обязательно уведут тебя в такие отвлеченные дебри, из которых и выбраться-то будет мудрено.

Хотя, конечно, и без предположений обойтись было нельзя. Вот, например: какие такие задачи могли решать этот самый Кауфман и та таинственная красотка? Касаемые разведки? Так ведь гестапо не разведка. У гестапо свои, большей частью внутренние задачи. Конечно, и у гестапо есть своя агентура, но и она заточена в первую очередь на решение всяческих внутренних задач. И потому, если предположить, что красивая женщина была личной агентессой Кауфмана, то решал он с нею задачи, скорее всего, именно внутреннего свойства. Логично? Вроде бы логично.

А коль так, то идем дальше. Судя по всему, задачи, которые решал Кауфман с помощью своей агентессы, и впрямь были такого свойства, что их невозможно было решить одномоментно. Долговременные задачи. И вот это уже был не столько домысел, сколько факт. Потому что с приближением Красной армии Кауфман из Кракова исчез, а красивая агентесса осталась. Осталась несмотря на то, что в любой момент ее могут опознать и разоблачить. То есть, по сути, дамочка играла ва-банк. А когда обычно играют ва-банк? А тогда, когда ничего другого уже не остается. То есть задача до конца еще не выполнена, но ее надо выполнить во что бы то ни

стало, несмотря на все риски.

А с другой стороны, что такое игра ва-банк? Это кратковременная игра. Сыграл один раз, сыграл второй, а в третий раз такой номер у тебя уже не пройдет. Это, можно сказать, закон. А коль оно так, то, следовательно, и дамочка вместе с ее окружением в Кракове будет оставаться недолго. Значит, надо поторопиться. То есть прихватить дамочку и все ее окружение как можно скорее. Крайний срок – ближайшее воскресенье.

Конечно, к такому короткому сроку никаких доказательств, скорее всего, не соберешь. Даже предполагаемый обыск и то может не дать ничего. Но и медлить тоже нельзя. У игры ва-банк свои правила, и они очень скоротечные.

Тем более что кое-какие доказательства все же имеются. Вот дамочка долгое время общалась с Кауфманом. Конечно, если разобраться, то и ее общение с гестаповцем не доказательство ее преступной деятельности. Ну, допустим, общалась, так и что с того? Может, любовь у них. Где здесь преступление? Хотя в то же самое время Кауфман был одним из главных гестаповских чинов во время оккупации Кракова. Это – та самая пресловутая больная точка, на которую можно будет надавить – и еще неизвестно, как дамочка себя поведет. Может, хватит и этого. Что ж, поглядим.

А все-таки, все-таки... Какая же это задача, в чем ее суть? Вот ведь – фашистов в Кракове уже нет, а задача осталась... И ладно бы дело касалось разведки – тут все было бы понят-

но и объяснимо. Потому что у немецкой разведки и при сложившихся обстоятельствах также могут быть свои интересы в Кракове. Но гестапо? Ему-то что надо в освобожденном Кракове?

* * *

В это самое время, когда Мажарин напряженно размышлял и анализировал ситуацию с дамочкой, Семен Мартынок выполнял совсем другую задачу. Эта задача также была связана с предстоящей операцией, но была иной. Можно даже сказать, веселой и увлекательной – по крайней мере, для самого Мартынка с его беспокойной и бесшабашной натурой.

Семен Мартынок подыскивал женщину, с которой завтра вечером ему предстояло отправиться в ресторан «Золотой голубь». Дело было непростое по многим причинам. Первое – найти такую женщину в принципе. Да и не просто саму по себе женщину, а такую, которая была бы и сообразительной, и храброй, и с оружием умела бы обращаться, потому что – мало ли? Кто знает, как может сложиться дело в этом чертовом ресторане «Золотой голубь»? А вдруг кто-нибудь заметит за собой слежку и откроет пальбу? Или, скажем, кинется на тебя с ножом? Всякое могло быть: шпионы они такие... Вот тут-то и пригодится и женская храбрость, и сообразительность, и умение стрелять.

А кроме того, такая женщина, по мнению Мартынка,

должна быть еще и красивой. Женской красоте Семен придавал особенное значение. Тут, по мнению Мартынка, таилась особенная оперативная хитрость. Вот, скажем, он завтра явится в ресторан с некрасивой дамой. И что же с того выйдет? А выйдет то, что все прочие посетители ресторана тотчас же обратят на него и на даму внимание и станут думать: а отчего это, мол, дама – такая некрасивая? Кто же водит по ресторанам некрасивых дамочек? Эге-ге, да уж не с какой-нибудь тайной целью заявился в ресторан этот лейтенант со своей некрасивой подругой? Ведь всем известно, что некрасивые дамы для того и существуют, чтобы выполнять определенные поручения и дела. А больше-то – для чего?

И совсем другое дело, если дама при Семене будет красоткой. Конечно, и в этом случае все обратят на нее внимание, но думать будут по-другому. И потому никому и в голову не придет, что такая дамочка тоже при исполнении. Женская красота – самый лучший и самый надежный способ маскировки во всяких шпионских делах!

Так-то оно так, но где же отыскать такую кралю? Да притом в самые короткие сроки, ибо среда – вот она, завтра! А до среды дамочку еще надо и подготовить, ее надобно как следует проинструктировать, ибо будь она хоть первейшей во всем Кракове красавицей, а дело-то предстоит тонкое, и просто так, наобум, приняться за него никак невозможно!

А ко всему прочему дамочка должна быть не полькой и вообще не местной жительницей, потому что кто знает – чем

они дышат, эти местные жительницы? Нет, тут нужна дамочка своя, родная, советского происхождения. Дело, конечно, непростое, но, с другой-то стороны, разве у смершевца есть простые дела? У него все дела – повышенной степени сложности.

В поисках напарницы для предстоящего дела Семен побывал и в госпитале, и среди зенитчиц, и среди связисток. И без всякого конкретного результата. По взыскательному мнению Семена, подходящей кандидатуры на глаза ему не попадалось.

Все, как обычно в таких делах и водится, решил случай. Когда Семен уже был близок к тому, чтобы впасть в отчаяние, на глаза ему попала стайка девушек в военной форме, которые сидели на скамеечке возле какого-то официально-го, с часовым у входа, здания. Их было пять человек, и была среди них одна... При первом же взгляде на нее Семен понял, что вот оно, искомое счастье! По крайней мере, если судить по внешнему виду девушки. Красивая это была девушка, что и говорить. С русыми волосами, строгими, цвета морской волны глазами. А еще другие девушки без умолку хохотали и щебетали, а эта – отстраненно молчала. Из чего Семен сделал вывод, что она не легкомысленная болтушка, а девица серьезная и ответственная, то есть именно такая, какую он, собственно, и ищет. На плечах у девушки красовались погоны старшины, и это еще больше вдохновило Семена: никчемного человека в старшины не произведут.

Семен приосанился, поправил ремень с портупеей, сдвинул шапку набекрень и приблизился к девушкам. Конечно же, они заметили молодого кудрявого лейтенанта и тотчас же стрельнули в него лукавыми глазами. Все, кроме той самой девушки-старшины. Она все так же сидела на самом краешке скамейки и, не отрываясь, смотрела на подернутую тонкой льдинкой лужу, в которую вмерз невесть откуда взявшийся кленовый листок.

– Здравствуйте, товарищ лейтенант! – приветствовали Семена девушки дружным хором. Они ничуть не смущались его и, конечно же, даже не помышляли о соблюдении хоть какой-то субординации. – Откуда это вы к нам прибыли – такой красивый и кудрявый? У вас там что же – все такие красивые? Ну, так познакомили бы! Мы не возражаем!

И девушки дружно засмеялись – все, кроме одной. Она лишь мельком взглянула на Семена, да и только. Ну, и взгляд у нее был, ну и глаза! Уж такие глаза, что Семена тотчас же охватила невольная тоска по своей родине – теплым приморским краям, где он не бывал вот уже много лет. Как ушел вначале на действительную, а потом сразу же с нее на войну, так и не бывал на родине. И кто знает, побудет ли он там еще когда-нибудь. Ведь война. А на войне и погибнуть можно.

– Да это что! – подыграл девушкам Семен. – Какой из меня красавец? Так, босяк с дальних околиц... Но зато все прочие мои боевые товарищи – те, конечно... Уж они-то – красавцы!

– Ну, так и познакомьте! – задорно выкрикнула одна щетунья.

– С тем и пришел, – улыбнулся Семен. – А то ведь замечаю, томитесь вы тут без мужского внимания.

– Чего-чего, а мужского внимания нам хватает! – насмешливо скривилась другая деваха. – Нам бы чего-нибудь понадежнее. Так, чтобы на всю жизнь!

Семен хотел что-то ответить на эту неприятную девичью шутку, но передумал, поскольку для шуток у него не было времени. Неукротимо и неумолимо надвигалась среда. Точнее сказать, вечер среды.

– Вообще-то я, наверное, к вам, – сказал он, взглянув на девушку-старшину.

– О-о-о-о! – протянули сразу несколько веселых девичьих голосов. – Так, значит, вы, товарищ лейтенант, решили сразу зайти с козырей! Положили глаз на нашу Павлину! А только напрасны ваши старания!

– Это почему же так? – спросил Семен.

– Потому что наша Павлина – это...

– Замолчите! – с досадой прикрикнула на разбитных девах девушка-старшина, которую они называли Павлиной, и спокойно взглянула на Мартынка. – Кто вы такой и что вам надо?

Похоже было, разговор с самого начала приобретал деловые формы, и это Семену нравилось. С такой девушкой, как она, всякие такие подходы смысла не имели. С ней нужно

было говорить прямо и начистоту.

– Вот, – сказал Семен и вытащил из нагрудного кармана красное удостоверение. – Я из Смерша. Слышали такое название?

– Ух ты! – пораженно воскликнул сзади девичий голос. – Из Смерша! Серьезный дяденька! А мы с ним как с равным!..

– Нам надо поговорить, – сказал Семен, обращаясь к девушке-старшине.

– Именно со мной? – спокойно поинтересовалась она, и такое спокойствие пришлось Семену по душе. Сам-то он был человеком беспокойным и во многом сумбурным, и потому спокойствие в ком-то другом он ценил очень высоко. Например, своего командира Мажарина он уважал в первую очередь именно за его всегдашнее спокойствие.

– Да, именно с вами, – сказал Семен.

– О чем же? – спросила девушка.

– Не здесь, – Мартынок оглянулся на других притихших девчат. – А где-нибудь в сторонке.

Девушка молча поднялась и спокойно стала смотреть на Семена.

– Что это за контора? – Семен кивнул на часового.

– Связь, – коротко пояснила девушка-старшина. – Шифровка и дешифровка.

– Понятно, – сказал Семен. – Что ж, пойдем внутрь. Поищем уголок для беседы.

– У нас строгая пропускная система, – сказала девушка. – Вас не пропустят...

– Это меня-то не пропустят? – весело удивился Мартынок. – Ничего, прорвемся! Не такие крепости брали!

Он оглянулся на ошеломленных девчат, улыбнулся им и ироничным тоном произнес:

– Покамест бывайте, девицы-красавицы! Пообщался бы с вами подольше, да – дела. А потому желаю вам...

И вместе с девушкой-старшиной он направился ко входу, где маячил часовой. Несмотря на то, что Семен предъявил часовому удостоверение с надписью Смерш – вначале корочку, а затем и в развернутом виде, – часовой не пожелал пропускать Семена.

– Без старшего не могу пропустить! – испуганно, но вместе с тем решительно произнес он. – Приказ!

– Ну, тогда свисти старшего, – миролюбиво произнес Мартынок.

Вскоре явился какой-то мрачный старший лейтенант и с подозрением уставился на Мартынка.

– Кто такой? – рыкнул он. – Что надо?

Семен молча протянул ему удостоверение. Нарочитая мрачность тотчас же исчезла с лица старшего лейтенанта.

– Я вас слушаю, товарищ лейтенант, – сказал он. – Чем-то могу помочь?

– Можете, – сказал Мартынок. – Пропустите меня внутрь и подыщите какую-нибудь комнатку для беседы. А то ведь

холодно на улице. Зима!

– А... – покосился старший лейтенант на девушку.

– Со мной, – коротко бросил Мартынок.

– Понятно, – сказал старший лейтенант. – Прошу следовать за мной.

Он провел их в здание, по которому сновали люди в форме. Были здесь и мужчины, и женщины.

– Вот сюда, – указал старший лейтенант, открывая какую-то дверь. – Здесь вам никто не помешает. Еще что-нибудь вам надо?

– Пока – ничего, – ответил Семен. – Если понадобится, я вас кликну. На всякий случай далеко не отлучайтесь.

– Понятно, – сказал старший лейтенант и осторожно прикрыл за собой дверь.

– Вас все так боятся, – спокойно произнесла девушка. – Этот старший лейтенант даже побледнел от испуга.

– А вы меня не боитесь? – спросил Семен.

– Нет, – спокойно ответила девушка. – Почему я должна вас бояться? Я не шпион.

Семену понравился такой ответ, и он улыбнулся. Вообще эта девушка нравилась ему все больше и больше. Он даже мысленно похвалил себя за то, что обратил на нее внимание. Ведь мог бы и не обратить...

– Нам надо поговорить, – сказал он.

– О чем?

– Об одном очень интересном деле. Иначе говоря, нам

нужна ваша помощь.

– Именно моя? – уточнила девушка.

– Да, именно ваша, – подтвердил Семен.

– Кому я должна помочь? – спросила девушка, и этот вопрос Семену также понравился, потому что это был вопрос по существу – без всякого жеманства и прочих дамских штук.

– Нам, – ответил Семен. – То есть Смершу. А конкретно мне.

На это девушка не сказала и вовсе ничего, лишь со спокойным ожиданием взглянула на Семена.

– Для начала давайте познакомимся, – сказал Мартынок. – Терпеть не могу бесед через стол или стоя во фронт. Озlobляют меня такие беседы по причине моей простоты... Меня зовут Семен.

– Павлина, – представилась девушка, помолчала и добавила: – Павлина Поцелуйко. Должность называть?

– Не надо, – махнул рукой Семен. – Для чего мне ваша должность? Мне надо другое... Ваша помощь. Да вы присаживайтесь, – указал он на старомодный диван, притулившийся в углу. – Поговорим... Эх, какие мебели – в жизни таких не видел! Заморского покроя! Я-то ничего мягче, чем деревянная скамейка, в своей жизни и не видел. Не довелось по простоте моей жизни.

Павлина впервые улыбнулась – и то лишь краешками губ. Похоже, простота, с какой Мартынок выражал свои эмоции,

пришлась ей по душе. Она подошла к дивану и опустилась на его краешек. Семен, потоптавшись, присел на другом конце дивана.

– Да, помочь, – начал Семен. – Помочь Смершу, и мне лично. Тут вот в чем дело...

За все время рассказа Павлина не проронила ни слова. Она просто сидела на диване и молча слушала.

– Вот, – закончил свой рассказ Семен. – Такая, значит, ситуация. Без вас, понимаете ли, никак. Нет, конечно, можно и без вас, но это будет халтура. А нам халтуры допустить никак нельзя. Потому что спугнем мы наших птичек, если будем халтурить. Нам надо быть правдоподобными. Другой возможности сыграть спектакль у нас может и не быть.

– Ясно, – спокойно сказала Павлина. – Я хочу подробнее узнать о своей роли.

– Да роль-то, по сути, проста – как ваша, так и моя. Я – веселый советский офицер, вы – моя барышня. Я пригласил вас в ресторан. Обычное дело. Сидим, делаем вид, что гуляем, воркуем, а сами наблюдаем. И как только наши клиенты выйдут из ресторана, мы, незаметно, – за ними. Незаметно, это очень важно! Вообще-то к ним прицепится другой наш человек, а мы с вами будем как бы на подстраховке.

– Зачем? – спросила Павлина.

– А затем, что этого человека могут почуять. А коль почувют, то, возможно, постараются от него избавиться или запутать следы. То есть разбежаться в разные стороны.

– Да, я поняла, – сказала Павлина.

– Вот и чудненько, – облегченно произнес Семен. – А то ведь иначе мне пришлось бы произносить долгую и поучительную речь. А такие речи меня утомляют. Теперь вот что. Вы умеете стрелять?

– Стрелять? – Павлина впервые посмотрела на Семена удивленными глазами. – Стрелять в кого?

– В принципе, – ответил Семен. – Из пистолета.

– Да, умею...

– Вот и хорошо, – улыбнулся Семен. – Это я не к тому, что нам придется обязательно пулять во все стороны. Это я на всякий случай... Дело-то неизвестно как может обернуться. Потому и спросил насчет стрельбы.

– Я понимаю, – ответила Павлина.

– А тогда у меня еще один вопрос. У вас найдется платье?

– Какое платье? – недоуменно спросила Павлина.

– Шикарное. Цивильное, – пояснил Семен.

– Зачем?

– Затем, что если вы пойдете в этот чертов ресторан в ваших старшинских погонах, то это, опять же, будет печальная халтура. Все будет на виду, потому что разве ходят советские старшины, пускай даже и красивые девушки, в польские рестораны? Вот видите – они не ходят. А вот если вы нарядитесь в шикарное цивильное платье, тогда совсем другое дело! Тогда наша серенада будет куда как правдивее. Все будет просто и понятно: веселый офицерик и его дама пришли в

ресторан. При этом дама – красивая полька, а не старшина Красной армии... Обыкновенное дело! Ну, так как насчет платья?

– Нет у меня никакого платья, – растерянно произнесла Павлина. – Зачем мне оно на войне?

– Ну, война-то бывает разная, – философски заметил Семен. – Как видите, иногда бывает нужно и цивильное платье... Значит, говорите, нет у вас шикарного платья.

– Нет...

– Ну, не беда! Раздобудем! Говорят, здесь есть просто-таки умопомрачительные буржуйские магазины. Туда и нагрянем. Делов-то!

– Но...

– Давайте обойдемся без «но», – улыбнулся Семен. – При чем тут всякие «но», если нужно делать дело? Вы лучше скажите главное – вы согласны нам помочь?

– Да, – лишь самую малость помедлив, ответила Павлина.

– Вот и чудненько! – хлопнул себя по колену Семен и поднялся с дивана. – Значит, так. Сейчас мы с вами отправляемся к вашему начальству, там я говорю ему пару интересных слов, после чего мы с вами идем напрямиком в буржуйский магазин за обновкой. И все у нас будет хорошо и расчудесно!

– У меня нет денег на обновки, – нерешительно произнесла Павлина.

– Ну, это такие пустяки! – беспечно махнул рукой Семен. – Деньги есть у меня. И наши родимые рубли, и поль-

ские злотые!

– Но...

– Опять «но»? – усмехнулся Семен. – Давайте-ка постараемся обходиться без этого слова. Лучше заменить его словом «надо».

– Что, в Смерше все такие богатые или только вы один? – спросила девушка.

– Конечно, только я один! – усмехнулся Семен. – Все прочее – сплошь голытьба и босяки. Да вы сами это увидите, когда с ними познакомитесь! Ужасное зрелище! Ну, где там ваше начальство? Ведите меня к нему, я желаю сказать ему пару нежных слов!

* * *

С начальством Мартынок договорился и вправду в два счета – стоило лишь предъявить удостоверение с надписью на нем «Смерш».

– Вы что же, навсегда забираете нашего бойца или вернете ее обратно? – поинтересовалось начальство.

– А это уж как получится! – задорно ответил Семен. – А вдруг она нам так понравится, что мы пожелаем оставить ее у нас насовсем. Она у вас девочка серьезная. Ну, и мы серьезные тоже. Так что все может быть.

На такие слова начальство лишь покрутило головой, да на этом разговор и закончился.

– Порядок! – сообщил Семен Павлине. – Ваше начальство ничего не имеет против. Правда, всплакнуло напоследок. Такого, говорит, бойца лишаем в лице старшины Павлины... запомнил, как ваша фамилия?

– Поцелуйко.

– Хорошая фамилия, – одобрительно произнес Мартынок. – Мне нравится. Покой навевает такая фамилия. Мир, тишина, и никакой войны. Будто на гармошке кто-то играет где-то вечером на завалинке.

– А что вам навевает ваша собственная фамилия? – на этот раз Павлина улыбнулась откровеннее.

– Моя-то? – вздохнул Семен. – Я так думаю, что моя фамилия происходит от слова «мартын». Это такая птица, вроде большой чайки. Ужасно вредная и бестолковая. И к тому же шкодливая. Так что никакого удовольствия мне нет от моей фамилии.

Так вот, разговаривая, они шли по первой попавшейся краковской улице. Улица, можно сказать, была целой, ее почти не затронули недавние бомбежки и артобстрелы. Вскоре они набрали на какое-то большое здание с большими стеклянными окнами.

– Вот, – сказал Мартынок, останавливаясь. – Должно быть, это и есть буржуйское торговое заведение. Точно, оно. Гляньте, даже принаряженный манекен торчит за стеклами. Ну-с, зайдем, что ли?

Едва они вошли, к ним тут же подкатился маленький, лы-

сый человек. К удивлению Семена, человек говорил по-русски, причем довольно-таки чисто и правильно.

– О! – тонким пронзительным голосом заверещал человек. – Панове русские офицеры! Вы правильно сделали, что зашли в наш склеп... наш магазинек! Другого такого магазина нет во всем Кракове, можете в этом не сомневаться. Что желают купить у нас панове офицеры? Мужской костюм? Платье для пани? У нас есть и то и другое! Самого лучшего качества! Из Парижа! Все самое лучшее для пана и пани! Потому что вы – герои, и что бы с нами сейчас было, если бы не вы!

Даже Семен и тот был слегка сбит с толку таким словесным потоком, а Павлина так и вовсе растерялась. Человек между тем продолжал что-то тарыхтеть и поочередно хватал за руки то Семена, то Павлину, норовя увлечь их вглубь своего магазина.

– Неужели прямо из Парижа? – выждав момент, когда человек на секунду умолкнет, спросил Семен. – Где Париж, а где ваш Краков...

– Я вижу, что пан офицер мне не верит? – состроил оскорбленную физиономию человек. – Ну, так пан офицер может взглянуть на товар своими глазами! И пани офицер – тоже. И даже – примерять ту одежду, которая панам понравится! Как говорят у вас в России? За просмотр денег не берут – кажется, так?

– Вы так хорошо говорите по-русски... – заметил Марты-

нок.

– О, это отдельная и, скажу я вам, печальная история! – махнул рукой человек, показывая, что сейчас он не желает говорить на эту тему. – Итак, что бы вы хотели купить? Что-нибудь для себя? Для пани?

– Для пани, – невольно улыбнулся Семен. – Какое-нибудь красивое платье, затем – пальто или плащ... ну, чтобы в нем было тепло, и еще...

Семен умолк, и окинул критичным взглядом молчаливо стоявшую рядом с ним Павлину. Она была одета во все солдатское – долгополую шинель, поношенную шапку-ушанку, на ногах у нее были сапоги – правда, не кирзовые, а хромовые, но все равно такой наряд, по мнению Семена, выглядел очень печально. И – неактуально, учитывая ту задачу, которую предстояло выполнить Павлине.

– И еще, – повторил Мартынок, – пани нужна красивая обувь. А еще – красивый головной убор. И что-нибудь этакое... – тут Семен не смог подобрать нужного слова и лишь провел рукой по своему лицу, показывая, что вдобавок ко всему прочему нужна еще и косметика.

– О, я понимаю пана офицера! – воодушевленно воскликнул человек. – И пани офицера я тоже понимаю! Война кончается, и пани хочет быть красивой!

– Вот именно, – подтвердил Мартынок. – Так что же, найдется у вас такой ассортимент?

– Для панов русских офицеров – найдется все, что паны

пожелают! – затарахтел человек. – Как мы в чем-то можем отказать нашим защитникам и освободителям! Ядзя! – крикнул он куда-то вглубь магазина. – Где ты там? Тут к нам пришли панове русские офицеры!

На зов тотчас же явилась девушка.

– Ядвига, моя дочь и моя помощница, – отрекомендовал девушку человек. – Ядзя, эта пани желает красиво одеться. Возьми ее с собой и сделай все, как надо. Пан офицер, а вам придется подождать. Что поделать – женская красота требует терпения! Или, может, пан офицер также желает купить для себя...

– Не желает, – перебил человек Семен. – Будем одевать пани.

– О, я вас понимаю! – тотчас же согласился человек. – Всеу свое время!

– Идите и примеряйте, – шепнул Семен Павлине.

Но Павлина как стояла, так и продолжала стоять.

– Зачем все это? – шепнула она в ответ.

– Потому что – война, – шепнул в ответ Семен.

Павлина вздохнула и нерешительно шагнула вслед за молчаливой Ядвигой.

...Появилась Павлина примерно через полчаса. Семен взглянул на нее, и у него невольно дрогнули губы. Потому что это была не Павлина, а кто-то другой. Худенькая, большеглазая, русоволосая девушка стояла перед ним и от смущения не знала, куда ей деть руки. На ней было цивильное

платье бледно-голубого цвета, на голове – такого же цвета пушистый берет, на ногах – светлые и изящные зимние ботинки, а через руку был перекинут светлый, с меховым подбоем плащ. И все это просто-таки удивительно шло Павлине, делало ее неузнаваемой.

«Вот ведь какая она, оказывается, красивая... – невольно подумалось Семену. – Разве можно воевать – когда ты такая красивая?..» А больше Семену ничего и не думалось, он сейчас был преисполнен не мыслями, а чувствами и эмоциями. Зато хозяин магазина при виде преображенной Павлины просто-таки зашелся в восторге.

– Ах, какая пани красавица! – высоким голосом застрекотал он. – Что значит – красивая штатская одежда! Как она меняет человека, особенно если этот человек – молодая красивая пани! Я думаю, пан офицер будет со мной согласен! Вы со мной согласны? – он взглянул на Мартынка.

– Что? – очнулся Семен. – А, ну да... Красивая штатская одежда... Конечно...

– Вот... – нерешительно произнесла Павлина.

– Сколько я вам должен? – спросил Семен у хозяина магазина. Причем спросил он это с усилием, потому что сейчас ему не хотелось говорить ни с кем, а хотелось смотреть на преображенную Павлину. Смотреть и смотреть, не отрывая взгляда и не говоря никаких слов, потому что лишними сейчас были все на свете слова.

– О, цена такой одежды немалая! – воскликнул челове-

чек. – Потому что вы сами видите, что это за красота и как преобразилась в такой одежде молодая пани! Но для панов русских офицеров и для такой красивой пани я готов сделать скидку. Большую скидку! Я согласен продать все это за половину цены!

– Так ведь проторгуетесь, – недоверчиво усмехнулся Мартынок.

– О, не говорите мне такие слова! – запротестовал хозяин магазина. – Потому что не все на этом свете измеряется деньгами. Пан офицер со мной согласен? Могу принять оплату хоть золотыми, хоть советскими рублями. Как пану офицеру будет угодно.

Вообще-то Семен умел торговаться, потому что ему сизмальства приходилось добывать себе копейку и он знал ей цену. Но сейчас был не тот случай. Сейчас перед ним стояла и смущенно переминалась с ноги на ногу почти незнакомая ему девушка по имени Павлина. Самая красивая девушка на свете – в этом Семен был непоколебимо убежден. Поэтому он рассеянно сунул руку в карман и вынул оттуда, не считая, пригоршню смятых купюр. Кажется, здесь были и рубли, и золотые – вперемешку. И сунул их в руки хозяину магазина.

– Бардзо дзенькую! – от радости хозяин даже перешел на польский язык. Кажется, Семен в рассеянности дал хозяину денег гораздо больше, чем стоили покупки. – Пани хочет уйти из магазина в новых нарядах или, может, она хочет переодеться обратно? Если она хочет переодеться, то Ядвига

красиво упакует все покупки!

– Пани хочет переодеться, – сказал Семен.

– О, я понимаю! – тотчас же согласился хозяин магазина. – Война еще не закончена, а пани – русский офицер. Ядзя, помоги пани.

Павлина опять ушла за ширму и вскоре вышла оттуда, одетая в прежнюю солдатскую форму. В руках она несла несколько красивых коробок.

– Да, война!.. – вздохнул хозяин магазина. – У войны свое лицо, и это очень страшное лицо! Думаю, пан офицер понимает, что я хотел сказать.

На этот раз слова хозяина магазина прозвучали печально, а потому искренне.

* * *

Обратно они шли молча. Молчала Павлина, молчал Семен. У каждого из них была своя причина для молчания. Павлина молчала оттого, что ей никогда еще не приходилось не то чтобы носить, но даже примерять такие красивые наряды. Тем более что они были куплены не ею, а совсем незнакомым ей молодым человеком. Конечно, она понимала, что так надо, что эти наряды по сути и не наряды вовсе, а нечто вроде сценического костюма, и что она завтра, принаряженная, пойдет с этим молодым человеком в ресторан, и это по большому счету будет не ресторан, а некое подобие сцены,

где она будет играть отведенную ей роль перед зрителями, которых она, может быть, даже и не увидит, но все равно – эти зрители там будут, и они будут наблюдать за игрой Павлины глазами, полными ненависти, потому что это будут не сами по себе зрители – это будут враги. Все это Павлина прекрасно понимала, но ее смущение от этого не проходило.

А вот отчего безмолвствовал Семен – тут понять было сложнее. Он по большому счету и сам не понимал причин своего молчания. Он просто шел и молчал, и перед его глазами стояла тоненькая смущенная девушка с огромными синими глазами, одетая в платье и берет, которые делали ее самой первой красавицей на свете.

– Никогда не пользовалась всем этим... – первой заговорила Павлина и потрянула коробочкой, в которой, судя по всему, лежала всяческая парфюмерия. – Даже не знаю, как правильно наносить косметику.

– Ничего, подружки научат! – отозвался Семен. Он был рад, что Павлина заговорила хоть о чем-то. – Они у вас вон какие бойкие!

– О, они научат! – усмехнулась Павлина, помолчала и добавила: – А уж как будут завидовать!

– Ничего, – усмехнулся и Семен. – Это хорошая зависть. Пускай завидуют. Красоте позавидовать не грех.

– А что делать со всем этим, когда закончится спектакль? – спросила Павлина.

– А что хотите, – пожал плечами Семен.

– Вот как, – взглянула на него девушка. – А тогда я отдам все это девчонкам. То-то обрадуются!

Эти слова настолько не понравились Семену, что он даже остановился.

– Зачем же девчонкам? – спросил он. – А вам самим не понадобится?

– А мне-то все это для чего? – пожала плечами Павлина.

– Вот закончится война, – не сразу ответил Мартынок, – и тогда, может, и понадобятся. Как наденете на себя всю эту красоту, как покажетесь перед... ну, я не знаю... перед кем-нибудь!

– Да мне и показываться-то не перед кем! – простодушно ответила Павлина.

– Как так не перед кем? – к Семену постепенно возвращалось его обычное, веселое настроение. – Например, передо мной. А почему бы и нет? Уж я-то оценю!

На это Павлина ничего не сказала, лишь искоса взглянула на Семена.

– Ну вот, мы и пришли, – сказал Семен. – Значит, так. Завтра ровно в шестнадцать ноль-ноль я за вами приду. Верней сказать, заеду. К этому времени вы должны быть готовы. То есть принаряжены, приукрашены и все такое прочее. Если начальство станет интересоваться, к чему такой бал-маскарад, то скажите, что так велел Смерш. А больше никому ничего не говорите. Ни куда вы пойдете, ни с кем, ни для каких надобностей – ничего и никому!

– Да, я понимаю, – кивнула Павлина.

– Вот и чудненько, – улыбнулся Мартынок. – Значит, заеду, отвезу вас к моему начальству, отрекомендую, ну, и все такое прочее. А потом – и в ресторанчик. То бишь на боевое задание. Ну, покамест бывайте.

Было видно, что Семену очень не хочется расставаться с Павлиной. И, кажется, Павлина это понимала. Поэтому она повернулась, чтобы уйти первой. И пошла. Семен какой-то миг смотрел ей вслед, а затем окликнул:

– Павлина!

– Что? – остановилась она.

– Значит, вы говорите, что умеете стрелять из пистолета? – спросил он.

– Да, умею...

– Это хорошо, – ляпнул ни с того ни с сего Семен.

Глава 4

– ...Вот это и есть та самая Павлина Поцелуйко, – представил Павлину Семен. – А это мои боевые товарищи.

– Капитан Мажарин, – назвался Мажарин, помедлил и добавил: – Алексей.

– Кирилл Черных, – отрекомендовался Черных.

– Вас так мало? – не удержалась от вопроса Павлина.

– Так уж оно получается, – развел руками Мартынок. – Да нам целое войско и не надо. У нас – своя война. По особым правилам.

– Вам объяснили вашу задачу? – спросил Мажарин у Павлины.

– Да, – коротко ответила девушка.

– Не испугаетесь? – спросил Мажарин.

– А вы? – спросила в ответ Павлина, и это было так неожиданно, что Мажарин не нашелся даже, что ему ответить, а Мартынок весело фыркнул: знай, дескать, наших, кого ни попадя я бы к такому делу не привлек!

– Вот вам пистолет, – сказал Мажарин, протягивая Павлине оружие. – Спрячьте его в сумочку. Конечно, он, скорее всего, не понадобится, но и без него нельзя. Всякое может быть. А теперь снимите плащ.

– Зачем? – не поняла девушка.

– Оценим, как вы одеты, – пояснил Мажарин. – В нашем

деле важна любая мелочь. Вы сами могли не обратить на нее внимания, а вот со стороны – оно всегда заметнее.

Павлина сняла плащ, помедлила и отдала его Семену.

– Сдается, все правильно, – бегло взглянув на Павлину, произнес Мажарин. – Платье, обувь, помада... Главное – вы должны быть похожи на польку. На легкомысленную польку, – уточнил он. – Вы умеете говорить по-польски?

– Нет.

– Тогда, как зайдете в ресторан, больше молчите. А если что и надо будет сказать, то говорите ему на ухо, – Мажарин кивнул в сторону Семена. – А так – хохочите, стреляйте глазками, жеманьтесь. Вы умеете жеманиться?

– Нет, – с недоумением произнесла Павлина. – Это как?

– Эх! – с досадой произнес Мажарин. – Ладно... До начала операции еще есть время – Семен вас научит. Семен, ты понял задачу?

– А то как же! – весело отозвался Мартынок. – Всенепременно научу!

– Кстати, – сказал Мажарин, обращаясь к Павлине. – У нас существует традиция – называть друг друга на «ты». Независимо от чинов и званий. Вы не против, если мы станем называть вас на «ты»? А вы – нас?

– Не против, – с некоторым удивлением ответила Павлина и взглянула на Мартынка.

– Да-да, – подтвердил Семен. – Так и есть – традиция. А традиции нарушать нельзя. Это плохая примета. Вот если,

скажем, мы будем называть друг друга на «вы», то наша операция не удастся. Получится невезуха. Точно говорю. Доказано практикой.

Пока они балагурили и, таким образом, познакомились, Кирилл Черных куда-то вышел. Вскоре он вернулся, но уже не в военной форме, а в поношенной гражданской одежде.

– Ну что, похож я на польского мастерового? – спросил он одновременно у всей компании.

– А поворотись-ка, сынку! – сказал Семен и окинул Кирилла оценивающим взглядом. – А что, вроде похож. Павлина, как тебе кажется?

– Не знаю, – нерешительно ответила Павлина и вопросительно посмотрела на Мартынка. – Я не приглядывалась к польским мастеровым.

– Не понимаешь, для чего это надо? – догадался Семен. – Объясняю. В том ресторане, помимо парочки, которая нас интересует, будет еще один мутный персонаж – официант. По нашей прикидке – он тоже из их компании. И потому за ним тоже надо проследить. Вот Кирилл им и займется. Не в офицерской же форме за ним следить, потому что это будет самая распоследняя дешевая оратория! Вот мы и решили переделать на время нашего Кирилла в подгулявшего польского мастерового человека. Таких в Кракове много, а потому, нам думается, на Кирилла и внимания никто не обратит. Ну, загулял человек – обыкновенное дело!

– Ладно, – сказал Кирилл. – Коль я похож, то, значит, я

пойду. Присмотрюсь, что к чему, туда-сюда...

– Ничего не забыл? – спросил у него Мажарин.

– Вроде как нет, – ответил Черных. – Бутылка водки – вот она, в кармане, пистолеты – вот они.

Он распахнул полы пальто: под мышками у него были прилажены пистолеты – по одному с каждой стороны.

– Все, иди, – напутствовал Кирилла Мажарин.

Черных кивнул, застегнул пальто, нахлобучил на себя картуз и вышел.

– Через полчаса пойдем и мы, – сказал Семен, взглянув на Павлину. – Погоди, я сейчас...

Он вышел в соседнюю комнату и вскоре вернулся, но уже совсем в другом виде. На нем был парадный офицерский китель с золотыми погонами, а на нем – орден Красной Звезды и четыре медали. Галифе тоже были не повседневные, а темно-синего цвета, а хромовые сапоги так и сияли.

– Вот теперь и я при полном параде, – сказал Семен, оглядывая сам себя. – Так что позволь, командир, удариться нам с Павлиной в неопиcуемый гусарский разгул!

– Позволяю, – скупо улыбнулся Мажарин.

– Благодарю, – манерно поклонился Мартынок. – Через полчаса и отправимся. А пока будем учиться кокетничать и жеманничать.

Павлина ничего на это не ответила, лишь вздохнула.

– А вот вздыхать совсем не обязательно, – сказал Семен. – Без кокетства даме в ресторан хоть и не ходи. Знаю, что го-

ворю! Это – первое. А второе – это очень даже легкая наука. Большинство дам постигают ее прямо-таки с первого же раза.

Но, похоже, Павлина не принадлежала к тому самому большинству, потому что наука давалась ей с большим трудом. Семен даже взопрел от усердия, пытаясь научить Павлину хотя бы несколькими типично женским ужимкам и гримаскам. Но зато было весело. Хохотали все: и Семен, и Мажарин, и даже сама Павлина.

– Ну, думаю, на первый раз хватит, – выдохнул Семен. – Будем считать, что ты – не легкомысленная, а серьезная полька. Наверно, такие тоже бывают... Но все же и серьезные дамочки нет-нет да и стреляют по сторонам глазками. Уж такая у них женская натура... Ну-ка – стрельни! Еще раз! И еще! Н-да... Ну, будем считать, что на первых порах этого хватит...

* * *

В ресторан они пришли в половине седьмого. Заняли столик, от которого был хорошо виден вход в ресторан, сели. К ним подошел официант.

– Что желает заказать пан офицер и его пани? – на ломаном русском языке спросил официант.

– Что-нибудь на ваше усмотрение, но так, чтобы было понятно, что пан офицер и его пани гуляют, – ответил Марты-

нок. – Может, мне надо уточнить?

– О нет! – ответил официант. – Все сделаем для пана официера и его пани.

– Это тот самый официант, за которым мы должны следить? – шепнула Павлина на ухо Семену.

– А черт его знает! – ответил Мартынок и при этом беззаботно улыбнулся. – Поглядим, тот он или не тот... А ты поменяй лицо.

– Это как? – не поняла Павлина.

– Улыбайся, – ответил Мартынок. – Можешь даже хохотать. И чем глупее, тем лучше. Я же тебя учил...

– Да, помню, – вздохнула Павлина.

– Вот и давай, – поощрил Семен. – И твой дурацкий смех, и твои улыбки – это, между прочим, тоже оружие. Не забывай.

Павлина еще раз тихонько вздохнула и захихикала тоненьким голоском. А затем придвинулась к Семену и зашептала ему в ухо:

– Ну, что, получается у меня?

– Еще как! – тихим голосом ответил Мартынок. – Ты – умница! Просто-таки прирожденный разведчик! Вот видишь, никто не обратил на нас внимания. А сидели бы тихо, как мыши, обязательно бы обратили. А нам чужое внимание ни к чему.

Явился официант с подносом, уставленным закусками и выпивкой.

– Настоящая русская водка для пана советского офицера и его пани! – провозгласил он.

– Ну да? – не поверил Мартынок. – И где же вы ее раздобыли?

На это официант лишь загадочно улыбнулся.

– Гуляем! – шепнул Семен, с улыбкой глядя на Павлину и разливая водку по стаканам.

– Я должна ее пить? – Павлина с отвращением посмотрела на водку.

– Обязательно! – улыбка не сходила с лица Мартынка. – Конечно, не залпом, а глоточками – как и полагается жеманным дамочкам, которые в ресторане... Поднеси к губам и пригуби. Вот так. А вот морщиться не надо. Что ты! Изображай удовольствие!

Говоря, Семен одновременно незаметно окидывал взглядом зал. Посетителей было не так много. Из военных – только он и еще какой-то польский офицер, тоже с дамой. То и дело позвякивал колокольчик, подвешенный над входной дверью, – это входили и выходили посетители. Мартынок замечал каждого, он присматривался ко всем входящим и выходящим, стараясь никого не упустить. И всякий раз он мысленно отмечал: «Не то. Нет, не то...»

Так минуло полчаса. В очередной раз звякнул колокольчик над дверью, и в ресторан вошли новые посетители – мужчина и женщина. Мартынок тихо щелкнул языком. Павлина наклонилась к нему и шепнула:

– Вот, видишь...

– Вижу, – сказал Семен. – Молодец, что заметила. Веди себя спокойно. Наблюдаем.

Женщина, вошедшая в зал, и впрямь была красивой. Но это была холодная, отталкивающая красота. Чем-то эта женщина напоминала змею. Змея – она ведь тоже по-своему красива. У женщины был гибкий стан, и лицо у нее, как показалось Семену, также чем-то напоминало змеиное. Ее спутник был одет в приличный штатский костюм, с аккуратно приглаженными волосами, все его движения были точны и неторопливы. «Ага! – сам себе сказал Мартынок. – Сдается, это они и есть, красавцы!»

Мужчина и женщина сделали несколько шагов и остановились посреди зала. К ним тотчас же подошел официант – не тот, который обслуживал Мартынка и Павлину, а другой. Мужчина что-то коротко ему сказал, официант так же коротко ему ответил. Не торопясь, парочка прошла дальше, подошла к малозаметной двери сбоку от входа, официант отворил эту дверь, мужчина и женщина в нее вошли. Официант куда-то исчез, но очень скоро вернулся с подносом, на котором громоздились закуски и висилась бутылка вина. Официант вошел и затворил за собой дверь.

Со стороны служебного входа в зал ступил молодой светловолосый человек. Это был Ян Кицак. Как бы случайно он прошел мимо столика, за которым сидели Мартынок и Павлина, и сделал едва заметный знак. Семен прикрыл и вновь

открыл глаза. Это означало, что он увидел поданный ему знак и правильно его понял.

– А-а... – произнесла Павлина, провожая взглядом Яна Кицака.

– Да, – ответил Мартынок и улыбнулся. – Ты – умничка. Это и есть наш человек. Он-то и будет следить за теми... – он указал взглядом на дверь отдельного номера, где сейчас находилась похожая на змею женщина и ее спутник. – А мы, значит, будем его страховать. А пока ждем...

Официант, который принес закуски и выпивку подозрительной парочке, все не выходил из отдельного номера. Казалось бы: коль ты обыкновенный официант, то, спрашивается, что тебе так долго там делать? Расставил закуски, пожелал посетителям приятного аппетита – и занимайся своими прямыми обязанностями дальше. Но он как вошел в номер, так и продолжал там оставаться. Разумеется, это не ускользнуло от внимания Мартынка. «Совещаются, бакланы! – подумал он. – А значит, они – одна компания!» Кажется, примерно то же самое думала и Павлина. Она также обратила внимание на странное поведение официанта.

В очередной раз звякнул колокольчик, и в ресторан вошел Мажарин собственной персоной в сопровождении двух вооруженных солдат. Так было договорено заранее. Мажарин должен был изображать начальника военного патруля. Войдя в зал, он неторопливо осмотрелся. К нему тотчас же подбежал официант, но Мажарин лишь махнул рукой и напра-

вился к столику, за которым сидели Мартынок и Павлина.

– Ваши документы! – нарочито громким голосом произнес Мажарин, обращаясь к Семену.

– Пожалуйста! – так же громко ответил Мартынок, доставая документы из нагрудного кармана и протягивая их Мажарину.

Мажарин сделал вид, что проверяет поданные ему документы, а сам тем временем незаметно глянул на Семена.

– Здесь они, – шепнул Семен, улыбаясь беспечной улыбкой гуляки. – И официант тоже с ними. Совещаются.

– Все в порядке! – все тем же громким голосом произнес Мажарин, отдавая документы Мартынку. – Прошу вас, товарищ лейтенант, позже положенного срока не задерживаться! И насчет этого, – он указал на бутылку водки, – также будьте аккуратны. Помните, что вы советский офицер!

– Слушаюсь! – произнес Мартынок.

Мажарин вместе с солдатами вышел из ресторана.

– Они будут поблизости, – сказал Семен Павлине. – А то мало ли что...

– Я это поняла, – ответила Павлина и захихикала тонким голосом. – Ну что, получается у меня жеманничать?

– С каждым разом все лучше и лучше! – поощрительно произнес Мартынок.

* * *

Официант вышел из отдельного номера ровно через восемнадцать минут – этот факт Мартынок отметил с особой тщательностью. А спустя еще шестнадцать минут вышли и мужчина с женщиной. Они молча направились к выходу из ресторана.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.